

Точка Немо

Автор:

Георгий и Геннадий Живовы

Точка Немо

Георгий и Геннадий Живовы

Современный фантастический боевик (АСТ)

Большое тихоокеанское мусорное пятно – миллион квадратных километров пластика, в котором увязнет винт любого судна – в результате мирового экологического проекта перемещено в самую удаленную от суши точку в мировом океане. Точка Немо – так принято называть эти координаты – становится современным кладбищем погибших кораблей и домом для их экипажей. Пассажиры фешенебельных яхт и беженцы-нелегалы, матросы с сухогрузов и даже команда эсминца остаются без связи с внешним миром и надежды выбраться из мусорной ловушки. Из отходов старой цивилизации они вынуждены строить новую.

Георгий и Геннадий Живовы

Точка Немо

© Георгий и Геннадий Живовы, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Встреча

Это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось...

Сейчас, когда все уже улеглось, стало прошлым, забрав из жизни у кого год, у кого пять, у кого – тридцать лет, а у кого и саму жизнь, сейчас все это кажется фантастической историей. Скажи кому еще в 90-е годы двадцатого века, что такое приключится... поверили бы только в сумасшедшем доме. Да я и сам себе верю все меньше. Наверное, потому что многое хотелось бы забыть. Мой мозгоправ, доктор Шенли, говорит, что это глубочайший травматический опыт, и с ним тяжело будет справиться. Доктор Шенли, конечно, смягчает: уж я-то знаю, что справиться с этим просто невозможно. Так и говорю ему: я не понимаю, как от всего увиденного не растрескались мои глаза, не понимаю, как не расплавился мозг и как не лопнуло сердце. А доктор Шенли в ответ твердит, что я уже воспринимаю свое прошлое с некоторым отрешением, и это первый шаг к успеху. Это – акт принятия. Но на кой мне это «принятие»? С каждым днем прошлое становится все четче, будто бы даже морщины на лицах людей из воспоминаний прорезаются через мутные пятна, которые до того заменяли им лица в моих непрерывных кошмарах... У них появляются глаза, я могу вспомнить их цвет; черты вырисовываются, добавляются рты, носы, уши, а вместе с ними – гримасы ужаса, отчаяния, страха, впавшие щеки, беспомощные взгляды... Вместо забвения, история все ярче расцветает в моих снах. Ох. С картинкой, которая местами уже прояснилась до высочайшего разрешения, возвращается и моя собственная боль. Она становится тем острее, чем отчетливее я все вспоминаю. И бежать от этого невозможно. Даже алкоголь, который какое-то время, еще до встречи с доктором Шенли, был моим верным спутником, оказывал какое-то неправильное действие. Да, на короткое время – от открытия и до закрытия бара на перекрестке – он притуплял боль, но открывал новые эпизоды, сверлил мою память, извлекая из нее леденящие события. Отрезвление возвращало этим стертым, как мне казалось, картинкам, фокус, и опять наступала боль.

Поэтому я сел писать. Доктор Шенли сказал, что это терапевтически полезно. Мне некуда деться. Я правда хочу что-то с этим сделать. Пробую. Думаю об этом. Месяца два размышлял, с чего же начать? Тысячи судеб, множество историй,

наброски для которых у меня сохранились – целая энциклопедия. Можно было бы просто написать автобиографию – ведь это терапия, дружок, верно? Тут же нужна рефлексия, так, доктор Шенли, так? Но честнее и вернее – для истории, во всяком случае, написать о той группе, что прибыла на «Линкольне». Именно они перевернули все вверх дном, они вывернули наш жизненный порядок наизнанку.

* * *

Итак, это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось... Эти, с «Линкольна», умудрились попасть в замес еще до старта, до НАЧАЛА, о котором никто, конечно же, их не предупреждал.

Таких, как Альваро, всегда видно в аэропортах стран третьего мира. Белозубый, с простой, но аккуратной стрижкой, ровными ногтями и гладкой (а для его возраста – идеальной) смуглой кожей – немного обрюзгший латиноамериканский Мэтт Деймон, не иначе. Но, несмотря на его цветущий вид и гавайскую рубашку, на тропические острова Альваро приехал совсем не для отдыха.

Несколько лет назад Альваро овдовел. Рак – тут ничего не попишешь. Не помогли даже связи в медицинском сообществе – экспериментальное лечение оказалось слабым оружием против «брызг шампанского» в голове Джесс. Она ушла молодой, ведь сорок пять – это не возраст. После этого Ева, дочь Альваро, которой тогда только исполнилось восемнадцать, бросила колледж, поссорилась с отцом и удрала на эти острова со своим серфером. Она пыталась сбежать – Альваро надеялся, что не от него, а от смерти матери, от самой идеи семьи... и Альваро смирился, насколько мог, хоть и терзался одиночеством. Он пополнял ее кредитку – тем более что тратила Ева немного, всего около тысячи долларов в месяц. Зато Альваро знал, что с ней все в порядке, иногда Ева выходила в Skype. Недавно она позвала отца к себе, сюда, на Тарли, один из бесчисленных райских островков Океании. Альваро взял билеты, не выходя из диалога.

Катастрофа застала его в первое же утро, в лобби отеля. Альваро взял коктейль, хотя мог бы пройти в столовую, где уже начался завтрак. Туда волнами входили туристы: первая волна – семейные, с маленькими детьми, живущие по графику; вторая волна – тоже семейные, с детьми постарше и пенсионеры парочками; третья – в основном молодежь, которая поздно встает на отдыхе.

Альваро раздражала всеобщая расслабленность и размеренность. Он ждал Еву. Вчера дочь его встретила. Пришла вместе со своим загорелым пучеглазым серфером – Орландо. Просто поздоровались и всё. Серфер схватил чемоданы, но Альваро вырвал их и попросил до завтра оставить его в покое... «Завтра в девять зайду, папочка». Альваро не хотелось разговаривать с Евой при этом парне. Он ему сразу не понравился – еще тогда, еще дома. Какой-то бездельник уволок его дочь черт знает куда, на богом забытый туристический островок, где нет и не может быть никакого будущего.

Хотя нет, все-таки Альваро успел о чем-то поговорить с Евой. Теперь не мог вспомнить ни слова, помнил только смятение – будто и не его дочь была перед ним, а малознакомая молодая женщина, да еще вспомнил жалость к самому себе и беспросветную тоску, которая снова его придавила. Как будто один только взгляд на Еву возвращал его туда, во двор клиники, где он гулял с Джесс, в ее палату, где в последний раз она, на минуту вынырнув из беспомощности, сжала его пальцы, глянула на Еву и прошептала: «Береги ее».

Та, которую он должен был беречь, обещала, что придет в девять, сюда, в лобби. И вот уже почти десять, а ее все нет.

– Еще один, – попросил Альваро девушку-бармена, явно из местных.

Пока она смешивала еще один «дайкири», Альваро задумался о ее внешнем виде. Вроде бы не такой уж и респектабельный отель. Обычный пляжный all inclusive для европейцев, австралийцев и американцев. Но весь персонал вырядился, будто это лучший отель Нью-Йорка – все в строгой одежде, в рубашках с длинными рукавами, что явно не соответствует влажной и жаркой погоде.

– И как вам не жарко? – сам Альваро в эту же секунду вытирал пот со лба.

– Хорошо, сэр, мне хорошо, – ответила девушка на «гостиничном» английском, который предусматривает минимальные ситуативные знания.

Альваро поднес бокал к губам. Светлый ром, лайм – чего проще? Однако именно «дайкири» всегда был его любимым коктейлем. Лет пятнадцать подряд Альваро и Джесс выбирались куда-нибудь на острова Карибского моря – обычно на

Багамы, но бывало и в Пуэрто-Рико или в Доминикану. Вечерами – почти неизменно, даже с рождением Евы, они выбирались в ресторан с террасой или верандой, непременно с видом на море. Тогда, не спрашивая, Альваро заказывал Джесс «багаму-маму», а себе – «дайкири». Джесс всегда быстро и забавно пьянела, и никогда не просила вторую порцию. Она глупо хихикала – или над шуточками Альваро, или над тем, как он щекочет Еву, которая почему-то всегда замирала, как ледяная статуя, только лишь его пальцы коснутся ее живота. Альваро даже таскал ее к другу-неврологу, полагая, что замирание от щекотки – симптом какой-то странной болезни. Но после полного обследования оказалось, что у Евы такая вот частная атипичная реакция.

За столиком, ближним к выходу из столовой, а, значит, и к Альваро, сидела пара с младенцем. В них мгновенно узнавались австралийцы – белозубые, уверенные, легкие в движениях; женщина – ладно скроенная, со средней грудью и крепким животом, мужчина – пусть и сублильный, но размеренный в жестах и – сразу видно – прочно стоящий на ногах. Такие обычно планируют жизнь и могут рассказать, что будет с ними лет через пять. Из их разговора Альваро понял, что его зовут Джеральд, ее – Эмма, а малышку – Мими. Мими попискивала, Джеральд делал вид, что ворчит, Эмма с наслаждением уплетала омлет. Они были страшно похожи на Альваро, Джесс и Еву тогда... тогда, когда Джесс была молода и здорова.

Альваро отставил коктейль с мыслью о том, что ему противопоказано возвращаться на такие курорты и уж тем более брать «дайкири». Опасно даже оглядываться по сторонам – всюду чудится безвозвратно ушедшая жизнь. Он развернулся к морю – оттуда, со стороны пляжа, и должна была появиться Ева. Все-таки странный курорт: места полно, а прямо рядом с пляжем – порт, на рейде стоят сухогрузы, пустует длинный причал для круизных лайнеров. Чуть поодаль видны краны порта – всего километр-полтора от отеля.

Альваро показалось, что он уже видит дочь – метрах в двухстах, вся в белом, будто бы это ее фигурка – худая, немного нескладная, смешная девочка. Только бы тоска не нахлынула вновь. Вот он, Альваро, одинокий, но еще не старый, и его дочка, с которой, наконец, можно будет поговорить не онлайн, а по-настоящему, и надо просто попытаться насладиться моментом. Можно съездить куда-нибудь вместе, тут наверняка есть какие-нибудь прогулки на катерах или багги, или трекинг по вулканам. Если, конечно, этот долбаный серфер не увяжется с ними. Альваро вышел под навес. Мимо него, едва не задев, прошел какой-то парень из службы отеля со странным чехлом в руках.

Альваро услышал хлопок. Еще один. Будто кто-то лопаает картонные пакеты – такие, какие раздают в самолетах... Белая нескладная фигурка почему-то развернулась, побежала от отеля. Ева это или нет? Неясно... Но она убегает – это всё, что успел отчетливо, осознанно и полно зафиксировать мозг Альваро. Тут же раздались крики – сразу на нескольких языках. Различим для слуха оказался корявый, с акцентом, английский: «На пол! Все на пол!» Альваро развернулся и увидел, что Эмма, Мими и Джеральд уже лежат на полу. Какие-то сильные руки в это же мгновение швырнули вниз и Альваро. Повернув голову, он смог рассмотреть столовую, происходящее в которой будто замедлилось: несколько людей в камуфляже, с автоматами, стоят при выходе на улицу, еще пара – у выхода во внутренний коридор отеля. Постояльцы, обслуга – почти все ничком положены на пол. Вдоль пляжа бегут охранники отеля, раздается автоматная очередь, охранники падают как подкошенные, один за другим, кусочки коры отлетают от пальмы, которую тоже задело... Альваро подумал о том, что больше не увидит Еву. Никогда. Больше. Не увидит. Альваро встал. «Лежать», – закричал стоявший в паре метров тип в камуфляже. Альваро сделал пару шагов... и всё. Всё прервалось на звуке выстрела. Белая нескладная фигурка убегала от отеля.

Глава 2

Контейнер

Он пришел в себя на палубе сухогруза. Наверное, кто-то подтащил его сюда, усадил спиной к бортику, ноги чуть жгло нагретым на жаре металлом. Судорожные мысли человека, который не помнит ни секунды из последнего часа жизни, сталкивались в голове с хладнокровными умозаключениями хирурга. «Правая рука перемотана жгутом на плече. Почему? Ева... Ева убежала? Так. Вся рука в крови – очевидно, кость перебита, но кровопотеря не критична, артерия, видимо, цела. Почему корабль? Что вообще произошло? Чувствительности нет вообще. Интересно, задет ли нерв. Сколько времени уже наложен жгут? Записка, под жгутом должна быть записка со временем... Но ее нет. У кого об этом спросить?»

Альваро оглянулся в поисках возможных свидетелей: палуба обычного океанского сухогруза до отказа забита контейнерами. Какой-то матрос, стоя на лестнице, открыл один из них, стоящий вторым этажом на палубе. Под

лестницей – человек десять, все – грязные, пыльные, в крови, но в них угадываются туристы и несколько служащих отеля в своей форменной одежде.

– Лезьте туда! – скомандовал матрос.

– А пониже нельзя? – отреагировал какой-то загорелый мужик лет тридцати пяти, стоящий рядом с лестницей.

– Внизу всё занято! Быстрее!

– Давай сюда малыша! – прокричал матрос, и загорелый мужик протянул ему наверх младенца.

Матрос забрал младенца, который, как только его оторвали от мамки, разверещался. Следующей в контейнер полезла Эмма, знакомая Альваро мама малыша, с нее, стянутое ветром, слетело окровавленное парео. За Эммой карабкался Джеральд. Загорелый решительный тип повернулся к вцепившемуся в лестницу Джеральду, который уже почти добрался до верха:

– Сначала женщины! Женщины! Потом старики!

– А раненый? Раненый как? И еще девушка без сознания! – крикнул кто-то снизу.

– Мы затащим их последними.

Альваро успел понять, что раненый – это он. И снова отключился.

Между тем в самом контейнере осваивались люди. Эмма давала Мими грудь, но та отказывалась есть и недовольно попискивала. Пробившийся внутрь Джеральд почему-то открыл детский рюкзачок и принялся что-то там искать, извлекая наружу бутылочки, смеси, соски и прочее младенческое барахло, которое положено иметь при себе, если ты – родитель из среднего класса.

– Джеральд, что ты делаешь?

– Ищу... что ей дать... Может, поиграть? Подгузник же сухой... что она пищит? Мими, посмотри, вот твоя погремушка. А вот любимый мишка. Ла-ла-лалала...

Эмма с нескрываемой тревогой посмотрела на Джеральда. Мими не обращала внимания на потуги отца ее развлечь. Рядом с Эммой в этот момент упала к стенке – иначе не скажешь, брюнетка лет тридцати. В течение нескольких минут вдоль стенок контейнера расселись почти все, кто до того стоял на палубе. Загорелый уверенный тип спустился вниз, где оставалась лежать молодая девушка. Рядом с ней, держа ее руку, сидел парень в круглых очках.

– Твоя? – спросил загорелый у парня.

– Нет, она не со мной.

– Хватит сил ее затащить?

– Да, наверное, да. Я знаю переноску...

– Чего ждешь тогда?

– Бери ее, я приму, – окликнул обоих сверху матрос.

Очкарик взвалил девушку по-военному на плечи и, придерживая одной рукой, принялся забираться по лестнице. В этот момент загорелый тип подошел к Альваро и легонько потряс его за здоровое плечо. Альваро открыл глаза.

– Мужик, ты как?

– Так себе.

– Как тебя зовут?

– Альваро.

– Меня Нейтан. Идти можешь?

– Куда?

- Нам нужно попасть во-оот в тот контейнер. Надо забраться по лестнице.

- Хорошо. А зачем?

- Затем, что мы уносим ноги с этого острова. Похоже, его захватили террористы.

- Да?

- Идем.

Нейтан помог Альваро подняться на ноги. Тот даже сумел сам преодолеть лестницу, удерживаясь здоровой рукой. Нейтан влез следом. Альваро разместился рядом с Эммой и Джеральдом. В детской аптечке нашлись бинты и сульфаниламид, которым Альваро тут же засыпал свою рану, и детское обезболивающее, которое он выпил, опустошив пузырек на две трети. Чуть придя в себя – не столько от действия обезболивающего, для которого еще требовалось время, сколько от самих движений, он обратил внимание на очкарика, который все пытался привести в чувство девушку.

- Я врач. Что с ней случилось?

- Рядом взорвалась граната. Она цела... ни единой царапины, но не приходит в себя, – потерянными тоном ответил очкарик.

- Ааа. Контузия. Ничего, отойдет. Подними ее голову, чтобы я видел ухо. Теперь другое. Ага. Ну, крови нет, перепонка скорее всего цела. Так что – ничего страшного.

- А что с вами, сэр?

- Видимо, пуля. Полагаю, навывлет.

- Вам нужна помощь, сэр.

Альваро только хмыкнул в ответ, столь идиотской ему показалась реплика очкарика. Он сел в своем углу и закрыл глаза. Нейтан в это время переговаривался с матросом, который уже спустился на палубу. Из рации

матроса тут же донеслось шипение, а затем сообщение капитана: «Слева по борту катера. Дистанция – две-две с половиной мили. Убрать трапы».

– Пора вас закрывать, – сказал матрос.

Но закрыться в этот же момент не вышло. На палубе началось какое-то движение, и через минуту в контейнер даже не ввалился – упал – крепкий высокий парень. Пыльные дреды распались в разные стороны. Залезший вслед за ним филиппинец (судя по форме – служащий отеля) задышался, будто пробежал десять миль по пересеченной местности, но нашел в себе силы как следует дать лежащему в бок.

– Не двигайся! Только пикни, я убью тебя! Понял?

Крепыш с дредами развернулся на спину, и стало понятно, почему он ввалился в контейнер. Его руки были связаны стяжками, сразу несколькими, неумело, но прочно, а в рот вставлена какая-то скрученная тряпка. В проеме контейнера только успели показаться еще две фигуры – парня и девушки, как двери закрылись и раздался резкий лязг металлической скобы, которая отрезала оказавшихся внутри от внешнего мира.

– Сидите тихо, катера уже рядом, – предостерег голос Нейтана.

И действительно – над заштилевшим морем разносилось жужжание нескольких легких двигателей, слышное даже через плотно запертые снаружи двери. Каждый в контейнере с тревогой прислушивался к этому звуку, единственному звуку, который нарушал тишину. Ее прервал Альваро, который открыл глаза и, неловко повернувшись, закричал от боли. Ему показалось, что кровотечение вновь открылось. Он достал телефон, включил подсветку и осмотрел рану. Нет, показалось – кровь не шла. Но все обитатели контейнера увидели пятно света: ярко освещенную изуродованную руку Альваро и отблеск на его внезапно постаревшем лице. Пленник с кляпом во рту неистово замычал, привлекая к себе внимание, и Альваро направил фонарик телефона на него. Это был тот самый серфер, парень Евы.

– Орландо! – крикнул Альваро и каким-то невероятным для раненого, стремительным броском оказался у его головы.

Альваро попытался вырвать кляп, но его остановили двое: тот самый служащий отеля, из филиппинцев – Пун, что затолкал Орландо в контейнер, и широкоплечий белобрысый малый – Лон, облик которого выдавал в нем британца или австралийца.

– Ты его знаешь? – спросил Лон, и, не став дожидаться ответа на свой бессмысленный в данной ситуации вопрос, продолжил: – Слушай, мужик, мы его даже спасти не хотели. Он орал и рвался из лодки. Из-за него нас могли заметить, и сейчас могут. Нам пришлось его связать. Но будь моя воля, я бы его бросил в воду.

– Это парень моей дочери, пусть скажет, где она, – начал уговоры Альваро.

Орландо страдальчески замычал. Пун и Лон переглянулись.

– Нельзя открывать ему рот, – едва связывая английские слова, пробормотал Пун.

– Пообещай, что не будешь орать. Иначе нас всех убьют. Понимаешь, ты понимаешь меня? – прошептал Орландо Лон.

Орландо тихонько застонал. Лон аккуратно вытащил тряпку из его рта.

– Где Ева? – слезно, отчаянно спросил Альваро.

– Я думал, она с вами...

Сердце Альваро сжалось. Перед глазами полыхнуло – девушка в белом убегает вдоль пляжа, выстрелы разрывают сонный тропический воздух, резкая боль в руке. Выстрелы, выстрелы... но уже на палубе, в ту самую секунду, совсем рядом. Резкие автоматные очереди, одиночные хлопки ружей, тихие – в сравнении с автоматными – выстрелы из пистолетов.

– На пол, все на пол, – каким-то странным, негромким, но отчетливым голосом скомандовал Нейтан.

В этот момент начал работать двигатель корабля, и вибрация от него ощущалась на металлических стенках контейнера. Тут же пара пуль прорикошетила о контейнер. Еще одна очередь прошла по контейнеру, стоящему первым этажом. Стрекот автоматов продолжался еще несколько минут – по всему кораблю шла борьба, порой слышались отдаленные неразборчивые возгласы. Затем – еще минут пять, может, десять, раздавались одиночные выстрелы, в ответ которым огрызался то один, то сразу несколько автоматов. Кто-то последний бился за жизнь, пытаясь одолеть явно превосходящие его силы.

Глава 3

Путешествие

Неизвестность словно повисла в воздухе. Тишина после перестрелки заставляла еще сильнее вжаться в пол контейнера, парализовала любое движение – неудобно вывернутая, простреленная рука Альваро ныла, но он не смел ею пошевелить. Страх, остановивший все вокруг, на сердца действовал иначе, заставляя их биться ощутимо громче обычного, и каждый бы хотел, чтобы его сердце замерло, чтобы даже в ушах и висках не отдавались толчки крови.

Первым поднял голову Нейтан. Все лежали ничком, напряженно застыв, и только старый турист каким-то странным образом обмяк, прислонившись к двери контейнера.

– Эй, мужик! Старик! – позвал Нейтан, и люди начали привставать. А старый турист приоткрыл глаза.

– В меня, кажется, попали...

Нейтан, согнув колени, подобрался к туристу и взял его за плечо, чуть отодвинув того от стенки. Тут же стало видно расплывающееся по рубашке пятно крови и дырка от пули довольно крупного калибра на рифленом железе.

– Эй, доктор! – обернулся Нейтан, но Альваро и без того уже был рядом.

– Помоги! – командовал уже Альваро.

Вместе они перевернули старика, который слегка похрипывал, когда его двигали.

– Плохи его дела... Видимо, пуля в легком, – заключил Альваро.

Орландо не стал ждать разрешения и громко закричал: «На помощь! Есть кто на судне?! Здесь человек умирает!» Наверняка все понимали, что в перестрелке необязательно победил дружественный им экипаж сухогруза, и на пороге контейнера в любую секунду могли появиться те самые боевики, от которых туристы и пытались спрятаться. Но ситуация больше не располагала к молчанию. Вслед за Орландо поднялся целый хор голосов с аккомпанементом в виде ударов по стенкам контейнера. Но ответа не было. То ли все участники столкновения погибли, то ли боевики оставили судно, забрав выживших матросов на свои катера. Стало ясно одно – запертые пленники остались в одиночестве, их сухогруз, словно корабль-призрак, на полной скорости шел в неизвестность.

– Дайте воды, – будто не услышав ни тревожных выводов, ни поставленного ему диагноза, попросил турист.

Брюнетка протянула бутылку воды, но Нейтан отстранил ее руку.

– Никакой воды пока. Есть шансы? – повернулся он к Альваро. Тот только покачал головой.

Нейтан и Альваро устроили старика поудобнее, подложив ему под голову его же сумку. Старик не унимался и просил пить, настойчиво, и, как казалось всем в контейнере, все громче. После третьей просьбы не выдержала Данита – филиппинка в форме горничной.

– Дайте ему воды, человек умирает! Почему не даете?

– Именно. Он умирает. А нам тут нужно держаться, черт возьми, неизвестно сколько! Что выберете – прожить чуть дольше или напоить того, кто все равно сейчас кончится?

– Но...

– Никаких но! Сейчас вы не в мягкой постели в отеле. Поймите, что с этой минуты, да даже раньше – мы все на краю. Хотите умереть поскорее? Пусть напивается!

Казалось, что люди в контейнере давно успели привыкнуть и даже устать от вынужденного молчания. Но после оглушительно трезвых слов Нейтана тишина повисла какая-то новая, особенная. Каждый задумался, что же за точку координат они все проходят, какова на самом деле ситуация, чем она чревата. Смертью – и только ей. Люди – под пулями, во время бегства из отеля и с острова, ничегошеньки не понимали, у них попросту не было времени остановиться и попытаться хотя бы внутри самих себя прощупать шок, который на самом деле уже объял каждого.

Тем не менее Эмма, которая не могла мыслить вполне отчетливо – сказывался гормональный кризис недавней роженицы – Эмма продолжала желать добра окружающему миру. Она будто бы и не понимала, что такое шок, и что вся ее жизнь уже перевернута с ног на голову.

– Я отдам свою воду, – громко, со звенящей решительностью в голосе, произнесла она, прижимая Мими к себе.

– Поздно... – Альваро прощупал пульс старика. – Он мертв.

С трупом разбирались Нейтан, Лон и Орландо. Три крепких парня – кто ж еще может что-то с этим поделать? Они отвернули лицо старика с опустошенными глазами, которые тот не успел закрыть, к стенке. Брюнетка и пара хиппарей, которые сидели подле него, боязливо и брезгливо продвинулись вглубь. Чтобы тело занимало как можно меньше места, Альваро посоветовал «сложить» его, потому Нейтан и Лон связали старика по рукам и ногам, и тело приняло форму калачика. Понять их решение сложно – ведь тело, даже если бы лежало распростертым, не отняло бы много места у живых.

После этой странной процедуры Нейтан огляделся и потребовал, чтобы все сдали всю имеющуюся пищу и напитки. Отчего-то все сразу послушали его – и в центре контейнера выросла горка из нескольких бананов, каких-то хлебцев, печенья, пары экзотических фруктов, названий которых сам Нейтан не помнил,

пачки чипсов и бутербродов, пары бутылок воды, орехов в «экологичном» многоразовом тканевом пакете – негусто, если речь идет о питании четырнадцати человек, которым еще неизвестно сколько оставаться в контейнере. Между тем сухогруз продолжал движение. Брюнетка долго вглядывалась в Нейтана и узнала его.

– Кажется, я вас знаю, вы – журналист, Нейтан Коллинз?

– Да, это я.

Имя Нейтана Коллинза было известно если и не всему миру, то, во всяком случае, всем, кто следил за новостями в Европе и США. Нейтан загремел в плен к сомалийским пиратам, где провел несколько лет и сумел сблизиться с одним из заметных командиров. Впоследствии Нейтан вернулся – его добровольно отпустили, причем весьма витиеватым маршрутом – так, что он очутился в Пакистане; он написал книгу о своих приключениях, и если она не оправдывала пиратов, то как минимум была выдержана нейтрально. Книга здорово зацепила всех правых – от республиканцев в Америке до европейских лордов, а вот для леваков текст стал очередным символом непонимания «золотым миллиардом» жизни в Африке и на прочих окраинах цивилизации. Леваки приветствовали Нейтана как одного из потенциальных лидеров, но он не стал с ними заигрывать и скрылся в Азии, откуда регулярно писал любопытные репортажи. С момента выхода книги Нейтана были готовы принять любые сепаратисты и военные диктаторы, все, отрешенные от мировой политики, все неслышанные и нерукопожатные отщепенцы и кровавые монстры. При этом сам Нейтан себя не выпячивал и старался быть объективным, чем здорово раздражал власти – в том числе своих родных Штатов.

– Что это было? – брюнетка выразила общий вопрос.

– Думаю, это была сознательная провокация армии... они создали искусственную террористическую организацию, чтобы двинуть демократов в правительство, – начал свою лекцию Нейтан.

– Да там все против правительства. Среди нападавших были сотрудники отеля! – возразил Лон, – Я живу на островах уже три года. Все местные ненавидят власть, да?

Последний вопрос относился уже к Пуну и Даните, двум запуганным филиппинцам, которые и не думали вступать в диалог. Лон достал телефон, но тот сел – и ни у кого не оказалось пауэрбанка. По словам этого здорового блондина, у него была запись, где некто в форме портье бежал вместе с террористами по пляжу. А затем, когда появился спецназ и начался бой, портье и террористы пытались слиться с толпой заложников. Во время перестрелки заложники поняли, что спецназ не собирается щадить даже их, и ринулись к морю, к причалам, катерам и сухогрузу...

– Какая разница, что там произошло, нам надо думать о себе здесь и сейчас, – Нейтан перебил Лона.

Контуженая красавица, которая все это время была без сознания и лежала головой на коленях Чепмена, наконец открыла глаза.

– Кто вы?

– Чепмен...

Красавица ничего не слышала – сказывалась контузия. Чепмен начал диалог, записывая ответы на ее вопросы на листочке, и эта летопись сохранилась. Я держу ее в руках. Листочки из скетчбука маленького формата, на которых кляксами растеклась черная гелевая ручка. Этот блокнот видел многое и представляет большую ценность, и, если мне это разрешит редакция, будет издан отдельно. Он того стоит – это одна из самых романтических историй знакомства, где они узнали многое друг о друге. Но мой любимый кусок текста из этих мятых листочков таков:

Ди: «Пиши крупнее, у меня плохое зрение»

Чепмен: «Я тоже в очках, видишь? Какие диоптрии?»

Ди: «Левый – 2,5, правый – 3,5»

(тут, видимо, он передал ей очки)

Ди: «Неужели ты ровно такой же слепой, как я?»

Чепмен (крупно и неразборчиво): «Ровно так».

С этого, с одинаковых диоптрий, и началось знакомство.

Пока Чепмен общался с Ди, объясняя ей, почему же Данита, которую Нейтан назначил старшей на раздаче еды, дает им по половинке печенья, в то же самое время Орландо нашел у кого-то в вещах кусочек проволоки, размотал ее, приладил к старому кнопочному телефону и вытянул антенну в дырку от пули, прямо над покойником. Орландо ловил если не связь – ее не было ни у кого, – то хотя бы радио, которое, по его мнению, еще могло добить до корабля, удалявшегося от берега. Орландо оказался прав – радиосигнал, не встречая помех, несся над водной гладью и достигал приемника. Правда, работала всего одна радиостанция. Голос диктора, с сильным треском, прерывисто, разнесся в контейнере. По-филиппински понимали только Пун и Данита, которая по просьбе Нейтана, перевела репортаж: «Диктор:...сто сорок пять человек погибли во время атаки на туристическую зону. Еще тридцать человек числятся пропавшими без вести. Убиты более пятидесяти террористов, еще около пятидесяти сдались после перестрелки со спецназом национальной гвардии. Нам удалось поговорить с одной из свидетельниц событий, Евой Вега». Не успела Данита договорить, как Альваро воскликнул: «Ева, это Ева, моя дочь!» – и мгновенно притих, чтобы выслушать, что скажет его дочь. «Их было много... они загнали всех в столовую отеля и стреляли в каждого, кто пытался бежать...» Диктор: «Вы видели, кто раздавал приказы террористам?» Ева: «Почти все были в масках... Но им помогал кто-то из отеля. Служащие переговаривались с террористами на филиппинском, некоторые были с оружием. Когда пришел спецназ, началась свалка, все начали бежать... не знаю, где мой отец, где мой муж»... Треск перекрыл дальнейший рассказ Евы. Какие-то обрывки слов еще доносились некоторое время, но затем белый шум поглотил любые прочие звуки, кроме кашля пожилой леди, которая опять разразилась им надрывно и нескончаемо.

– Муж? – Альваро недоуменно воззрился на Орландо.

– Да. Мы хотели рассказать вам вместе.

– Давно?

– Поженились в прошлом месяце.

– Странно, я думал, она мечтает о большой свадьбе... копил деньги... но это неважно, да? Зять, значит? Хм.

Снизу, из-под пола контейнера, раздались металлические звуки – будто бы кто-то стучал. Нейтан отыскал уголок, откуда исходил звук – это был угол под телом старого туриста. Пришлось отодвинуть окоченевший труп. Оказалось, что в обоих контейнерах – и верхнем, и нижнем, были щели, которые расположились одна над другой довольно близко – таким образом, стоя рядом, можно было услышать, что говорят внизу. Нейтан произнес в щель пару слов, прислушался, оглядел собравшихся, и спросил – есть ли среди них Мелинда? На это имя отозвалась кашляющая леди. Оказалось, что в нижнем контейнере находится ее супруг, Гэри. Мелинда тут же принялась разговаривать с ним. Нейтан же, отойдя от щели, сообщил остальным, что у людей снизу есть компас, и корабль движется на юго-восток.

Поскольку измерить скорость в контейнере совершенно невозможно, для расчета взяли пятнадцать узлов в час. Беспольные телефоны Нейтан – с общего согласия – изъял. Хотя Орландо пытался сопротивляться и кричал: «Да кто ты такой, с чего ты решил?» Но общее мнение, а также краткий рассказ брюнетки (ее, кстати, звали Вэлери) о прошлом Нейтана сделало свое дело – и Орландо замолк. Телефоны, по мысли Нейтана, включались поочередно, чтобы в отсутствие подзарядки максимально растянуть возможность следить за временем. Таким образом Нейтан думал рассчитать расстояние, которое они проходят. Однако карты-то у них не было – потому все равно было неизвестно, куда же они идут. Через сутки предположение Чепмена о том, что они уходят напрямик в Тихий океан, начало казаться всем справедливым.

Через несколько часов созрело первое решение – открыть двери. Но как бы ни старались «крепьши» – Лон, Орландо и Нейтан, как бы ни пыжился «умник» Чепмен, ничто не помогало – дверь не поддавалась. Прочнейший стальной засов, сконструированный, чтобы выдерживать самые жестокие шторма, оставался неприступен. Зазоры между дверью и стенками были микроскопическими, туда с трудом пролез бы и лист писчей бумаги – не то чтобы что-то существенное, могущее стать рычагом. Израсходовав массу сил, невольные путешественники расселись по своим местам.

Полтора суток – и вода закончилась – хотя все и пили по глотку, из крышечки, которую исправно выдавала Данита. Вода оставалась только у Эммы – обделять водой ребенка не решились. Никогда Эмма не чувствовала на себе столько завистливых и жадных, порой даже яростных и ненавистных взглядов. Всего-то – вода! Всего-то литр, взятый Джеральдом с запасом для утренней прогулки к соседнему отелю! Чепмен, с присущей ему энергичностью, пытался найти конденсат на потолке – но какое там. Потолок был сух, как песок в пустыне.

В контейнере почти не было движения. Каждый экономил силы, сознание каждого бродило в мыслях о прошлом и неясном будущем. Двигатель корабля исправно работал, выдавая положенные ему тысячи лошадиных сил, и сухогруз удалялся от любых возможных берегов.

Еще через полсутки вода закончилась и у Эммы. Малышка Мими словно чувствовала, что не стоит кричать, и вела себя смирно. Вэлери пыталась проглотить какую-то таблетку, но без воды это удалось ей только раза с десятого. Она уронила белый кругляшок лекарства на пол, подобрала, снова предприняла попытку, а уж после того, как все-таки сумела протолкнуть ее в глотку, схватилась за грудь – иссох даже пищевод, и по нему ничто не могло пройти незаметно.

Орландо тоскливо вглядывался в дырку из-под пули. Будь его воля – он скребся бы, бессмысленно и жестоко стирая пальцы, обдирая ногти, прямо в эту дверь. Постояльцы (ведь так это называется после суток на одном месте?) контейнера оказались самыми невезучими из всех нас. Не встречал ни единого выжившего, который бы так намучился и столько бы испытал перед конечной точкой, пока что назовем это так.

Именно Орландо, проглядевший все глаза в эту дырку, первым заметил, что погода меняется.

– Облака... грозовые облака! – прошептал он обессиленным, иссохшим ртом.

Дождь не заставил себя ждать – он полился мощным тропическим ливнем уже через пару минут. Нейтан, Чепмен и Джеральд тут же принялись мастерить устройство для сбора воды: бумажная воронка, просунутая в дырку и развернутая снаружи, должна была собрать капли и через раструб отправить в приставленную изнутри контейнера бутылку. Листок быстро размок под струями

дождя, но Чепмен уже приготовил замену из мягкого пластика одной из бутылок. Емкостей осталось всего на три литра, но эти три литра воды, плюс бутылка Эммы и Джеральда, казались настоящим спасением! Дождь продолжался, и Нейтан дал возможность напиться всем вволю, люди по очереди присасывались к торчащей из стены воронке. Затем, так же внезапно, как начался, дождь прекратился, и в дырку из-под пули снова забил луч солнца.

Напившись, Мелинда приникла к щели, чтобы пообщаться с мужем.

- Дайте им воды! - после короткого диалога попросила она.

- Нет, - отрезал Нейтан, - у нас три литра воды. На четырнадцать человек.

Мелинда что-то пробубнила в щель, развернулась и с тревогой сказала:

- Гэри говорит, что они убьют его, если мы не дадим воды...

Нейтан оглядел всех. После суток без воды никто не вздумал даже и пикнуть. Человеколюбие и гуманность вмиг отступают, если тебе по-настоящему угрожает смерть. А смерть не то чтобы витала в воздухе - она уже пропитала все вокруг. Скрюченное тело старого туриста - вот вам и напоминание о том, что тут может произойти с каждым, даже, скорее, не то что «может», а что неизбежно произойдет довольно скоро.

- Нет, - озвучил Нейтан общее мнение.

- Но там Гэри, мой Гэри! - рыдания Мелинды перешли в бесконечный, сильнейший кашель, который, кажется, готов был вырвать ее легкие из грудной клетки.

Сквозь кашель Мелинды снизу слышались истеричные крики Гэри - его решили порешить сразу же, и, видимо, выбрали для этого не самый гуманный метод. Гэри визжал, как животное, как маленький ребенок, голос его звучал как само отчаяние, которому, конечно, свойственны высокие частоты. Захлебываясь кашлем, Мелинда подползла к щели и пыталась - между приступами, набрав хоть немного воздуха, попрощаться. Нейтан отошел и сел на место. Когда крики Гэри утихли, Мелинда осталась у щели - рыдать и кашлять, кашлять и рыдать, и

это порядком надоело всем. В конце концов она умолкла. Никто не понял сразу, что умолкла она навсегда.

Этим же вечером Лон и Нейтан положили ее тело на старого туриста. Таким образом, к началу третьих суток путешествия в контейнере было два трупа.

Эмма была спокойна – молоко приходило, значит, Мими будет сыта. А вот Джеральд начал психовать – его беспокойство Эмма всегда замечала по характерному жесту – он крутил свои кисти. Из-за коротких сухожилий (такowymi они стали еще в подростковом возрасте – издержки резкого роста) Джеральд постоянно вращал кулаками, а в период стрессов делал это беспрестанно. Но виду он старался не подавать, и на любые вопросы кисло и деланно улыбался: – «Любимая, все будет хорошо».

Данита и Пун по большей части молчали и выглядели испуганно даже на фоне прочих.

В нижнем контейнере периодически слышалось какое-то движение, там намеренно поднимали шум – им была нужна вода. Но Нейтан строго запретил кому бы то ни было даже приближаться к щели. Поэтому что говорили люди из нижнего контейнера, как умоляли и какие давали обещания, останется неизвестным.

Альваро часами сидел, заслонив лицо здоровой рукой – больная лежала на коленях и не подчинялась ему вполне. Альваро плакал, Орландо, сидящий рядом – наблюдал. К вечеру Альваро прервал молчание.

– Ублюдочная страна. Какого черта ты ее туда потащил? – со злобой, но четко и открыто, будто бы это должны были услышать все, на третьи сутки произнес Альваро.

– От вас увез. От снобов и кошельков.

– И что, хорошо все закончилось?

– Это вы, американцы, финансируете такие перевороты. Террористов. Вам нравится развязывать войны и накачивать свои военные бюджеты...

– Мне, что ли, нравится, парень? Я приехал из Мексики подростком. Пятнадцать лет учился, и вот чего-то добился... и кто я теперь? Какой я к черту хирург? Где мы?!

– Мистер Вега, успокойтесь, пожалуйста...

На счастье Альваро и Орландо, пошел дождь – именно дождь, по мнению Альваро, спас его тогда от пропасти безумия. У Орландо при себе оказался косяк травы – и он бы не стал его курить, не имей запаса воды. После косяка Альваро расслабился, его отпустила мучительная боль в срастающейся кости, и он даже пошутил о том, что в контейнере, в отличие от островов, их никуда за употребление наркотиков не посадят...

* * *

Эти записи, наверное, кажутся фрагментарными и беспорядочными. Что ж, это издержки документальности этого повествования. Все, что здесь описано, пришлось собирать урывками, а искусственно склеивать – у меня нет желания. Я даже не смог бы найти этому оправдания – все же документальный текст обязывает чтить память погибших и хранить память о событиях максимально точно. После четвертого дня путешествия воспоминания участников носят характер даже не отрывочный, а оскольчатый – будто память сумела оставить при себе только некие пиковые моменты, которые врезались в глаза. Взял на себя смелость разбить эти события на небольшие подглавки, чтобы хотя бы в хронологической последовательности обрисовать происходившее в контейнере.

* * *

Утром пятого дня Данита обнаружила, что из последних восьми печений, которые она стерегла, четыре пропали. Ночью, во время сна, она сдвинула пакет, половина печений выпали и стали чьей-то легкой добычей. Нейтан сразу рассвирепел.

– КТО? КТО ЭТО СДЕЛАЛ? – проорал он, стоя посреди контейнера.

Обыск принес результаты: на рубашке лысого мужика – назовем его здесь Лысым Клерком – Нейтан обнаружил крошки.

– У меня диабет... – все, что смог вымолвить несчастный перед тем, как Нейтан, расшвырял и принялся душить его голыми руками, затем взял в захват и, упав на колени, прижал его головой к полу профессиональным борцовским приемом. Лон попытался оттолкнуть Нейтана, но Пун удержал самого Лона.

Таким образом, утром пятого дня при входе в контейнер лежало уже три тела.

Данита делила оставшееся печенье. За ней наблюдали голодные глаза всех и каждого, кроме Мими. Внезапно Данита замерла. Лон, который ждал своей порции, встал перед ней.

– Что случилось?

– Их меньше, – на плохом английском ответила Данита, – печений меньше, чем людей.

– Ешь мое, – без колебаний заявил Лон.

И наверняка сразу пожалел о своем решении. Кто его знает, почему Лон решил быть щедрым – то ли понял, что дальше делить печенье просто невозможно, оно рассыплется в пыль (это было песочное тесто), то ли не надеялся выжить. В любом случае – он стал единственным, кто не запомнил вкус этого печенья – а многие позже признавались, что могут опознать это печенье из тысячи других. Вкус печенья стал чем-то вроде вкуса жизни.

* * *

Холод пришел на шестой день. Все понимали, что за бортом будто даже теплее, чем внутри стального ящика, этого коммунального гроба, в котором они оказались. Ночью температура опускалась до 5–8 градусов – так оценивали это узники контейнера (и надо сказать, весьма точно). Да, это не суровая сибирская зима. Но поверьте, проведите вы хоть одну ночь в шортах и майке при такой температуре – зубы будут стучать друг об друга так, что вам станет страшно от самого этого звука.

С покойников была снята вся одежда, которая досталась преимущественно женщинам. Джеральд грел Мими, свернувшись вокруг нее клубком, как кот, который греет собственное брюхо. Эмма кормила малышку скудным, скорее всего, вконец обезжирившим молоком, и Мими охотно ела, но худела, пусть и не так, как взрослые, но все же заметно. Насколько же не подготовлен человек к голоду и холоду, раз даже его младенцы худеют уже на шестой день!

Зато воды стало в достатке. Дождь за дождем – влага наполняла бутылки через самодельный раструб. Пили все вволю.

Польза от холода была только одна – покойники не сильно пахли. Хотя все и смирились уже со сладковатым, тошнотворным запахом гниения, но все же на жаре было бы гораздо хуже.

Никто и ни с кем практически не разговаривал. Все вдруг поняли, что речь отнимает силы, и погрузились в анабиоз, будто бы готовясь к постепенному, неумолимо приближающемуся умиранию. Колкие и холодные взгляды говорили только об одном – каждый думал, как бы протянуть подольше.

* * *

Утром седьмого дня, когда уже прекратились всякие звуки из нижнего контейнера, Нейтан увидел, что двое дауншифтеров, прислонившись друг к другу, словно согревая, мертвы. Нейтан осмотрел их, затем стремительно двинулся к сложенным штабелем трупам. Оказалось, что дауншифтеры ночью решили отведать сырого мяса покойников – и поплатились за это отравлением, которое прикончило их быстрее, чем можно себе представить. Пустые желудки и ослабленный иммунитет вообще не оказали сопротивления трупному яду. Дауншифтеров даже не стали перекладывать в угол. Они так и остались – рядом с Вэлери, которая была бледнее мела и, по мысли Нейтана, должна была преставиться следующей.

«Почему они умерли?» – спросил Пун про дауншифтеров. Альваро объяснил, что человечину, как и любое другое мясо, надо есть свежим или законсервированным, иначе – желудок просто не сможет переработать яды.

* * *

Утром десятого дня Эмма проснулась и принялась теревить Мими, чтобы та поела. Уже через секунду Эмма увидела, что Мими больше нет. Но мозг матери не реагировал на собственные сигналы – «Она холодна, она холодна, как лед...» Эмма подползла и растолкала Альваро, держа малышку, голова которой откинулась назад. Альваро понял все с первого взгляда.

По неизвестной причине Эмма решила скрыть от Джеральда смерть Мими. Когда тот проснулся и спросил, как его малышка, Эмма ответила, что Мими поела. Джеральд тут же вырубился, ушел в привычный анабиоз. А Эмма пустыми глазами смотрела на дверь контейнера.

Поэтому именно Эмма заметила то, что заметила: «А ведь двигатель остановился». Голос ее прозвучал отстраненно, но с каплей вопроса, неясного, нечеткого... Наверное, кто-то и мог бы удивиться, но всем было плевать. Какая разница, работает двигатель или нет, и сколько там узлов, и какой вообще курс, если само судно находится в необозримом, необъятном «нигде»?

Если бы невольным пассажирам «Линкольна» в этот момент дали задание – выразить общую мечту как можно короче, думаю, они бы легко это сделали. ПОКИНУТЬ ЧЕРТОВ КОНТЕЙНЕР – так бы звучало их желание. И именно оно крепло в них каждый час, каждую минуту, каждую секунду. Полная неизвестность, безысходность, отчаяние – лишь жалкие слова, которые не могут передать чувств случайных пленников, которые толком не понимают, где находятся и какие вообще есть варианты развития событий. Ведь всегда, даже когда террористы вломились в столовую, имелся какой-то обозримый набор исходов: умереть, сбежать, быть спасенным. Обстоятельства предусматривали некое продолжение. Хоть какое-то.

Двигатель остановился. Казалось бы – что с того? Но во всех поселилась какая-то странная, идиотская, ничем не оправданная и не подтвержденная надежда...

«Я слышу шаги... там шаги, на палубе» – вдруг громко объявил Чепмен. Все прислушались – ровно на миг, ровно для того, чтобы осознать – и правда шаги! – и приняться орать во всю глотку.

«МЫ ЗДЕЕЕЕСЬ» – неслось из контейнера на разных языках и акцентах, с разной степенью надежды и уверенности.

«Там кто-то есть», – снаружи донесся сухой голос. «Там крики. Нужна лестница, похоже, они наверху».

Глава 4

Новички

Лязгнул стальной засов. Дверь открылась, и свет, которого было, кстати говоря, немного – и это мне достоверно известно, – ослепил всех, будто бы яркое солнце в горах.

– Сколько вас? – спросил силуэт на ломаном, неясного происхождения английском.

– Двенадцать, – уверенно, мигом ответил Нейтан.

– Дети есть?

– Да! – завопил Джеральд.

– Мими умерла, – тут же отрезала Эмма.

– Нет, детей нет, – подытожил Нейтан.

– А это кто? – спросил голос, уже обращаясь персонально к Нейтану, указывая на тела.

– Эти не дотянули.

– Понял. На выход по одному, – уверенно скомандовал голос, – сначала женщины.

Вэлери, Данита, Эмма – по очереди принялись спускаться по лестнице. Ди пришлось транспортировать позже, к этому моменту она уже не могла ходить из-за слабости. Эмма (она подробно рассказывала об этом эпизоде) увидела знакомую палубу сухогруза. Но по ней – туда-сюда – перемещались с двадцатка вооруженных автоматами мужиков всех цветов кожи – в странной одежде, которая больше напоминала какие-то доспехи. Почему-то все были с бородами разной степени запущенности и в ослепительно-ярких, белых кроссовках, которые неестественно смотрелись на серой палубе, под серым небом.

Эмму остановил человек с респиратором, вставший в проеме контейнера. Указал на Мими на руках Эммы и почти сочувственно спросил: «Ваш ребенок мертв?». Эмма нашла силы лишь кивнуть. «Я должен забрать его у вас», – извиняющимся тоном молвил солдат. Эмма только сильнее прижала к себе Мими.

– Сименс! Лихачев! Сюда! – скомандовал солдат, и тут же за его спиной выросли два дюжих парня. – Заберите ребенка, он в первую лодку.

У Эммы вырвали ребенка, она всего-то и успела, что попросить снять с малышки крестик, обычный серебряный крестик. Эти бородачи хоть и выглядели аляповато, но действовали слаженно, как настоящая армия, и Эмма быстро поняла, что сопротивление бесполезно. Кожаный шнурок и крестик – все, что у нее осталось от Мими. Все, что осталось от единственного ребенка Эммы. И до того это терзало материнское сердце, что Эмма почему-то подумала, что теперь она вообще не Эмма, а какая-то другая женщина, может, какая-нибудь Карен или Синтия, или кто еще, но совсем не Эмма, и муж ее – не Джеральд, и вся эта жизнь – пыль и песок, несущиеся по воздуху где-то на озере Эйр.

Женщин отвели к бочке, в которой что-то горело, и усадили греться. Пара солдат в респираторах остались их охранять. Другие тем временем выносили тела из нижнего контейнера и аккуратно складывали у трапа. Вторая группа солдат спускали тела вниз по трапу к лодкам. Среди тел были и те, которые, скорее всего, принадлежали команде корабля и боевикам, атаковавшим сухогруз.

Мужчины тоже спустились по лестнице к бочке и тесно расселись вторым кругом. Чепмен, Нейтан и Лон принесли и положили обессиленную Ди. Истощенные путники были счастливы уже тому, что им удалось покинуть свою

стальную гробницу, и сидели в покорном оцепенении, преданные в руки самой судьбе.

Джеральд тут же обратился к Эмме с вопросом, где же Мими. Эмма с трудом выдохнула: «Она умерла, дорогой, ее забрали». Джеральд не поверил, вскочил, заорал на солдата: «Ты забрал мою малышку». Тот пытался его урезонить – просил сесть и перестать кричать. Эмма, вторя солдату, заверяла Джеральда, что Мими мертва... Но Джеральд не мог угомониться, за что и получил прикладом в челюсть, и осел, едва не потеряв сознание. Больше Джеральд никуда не порывался, только сидел и тихонько плакал, сжимая в руках мягкого мишку – любимую игрушку Мими.

По трапу поднялась толпа мужчин, которые не были похожи на военных – на них было нечто вроде одинаковых пластиковых роб. Эти мужчины сразу прошли в надстройку корабля, где находится рубка, оттуда раздались звуки пил и молотков. Корабль разбирали на части.

– Я Саттерли, – тот самый здоровый темнокожий солдат представился всем и сразу, – Порядок ваших действий таков. Сначала все лекарства, личные вещи, телефоны, электронику, вообще все, что при вас есть – выкладываете сюда.

Саттерли указал на палубу под своими ногами.

– Я вызываю, вы встаете и выкладываете. Пожалуйста, не нужно упираться и делать глупости. Порядок един для всех. Я тоже это проходил.

– Кто вы? Где мы? – спросил Орландо.

– Вам все разъяснят на берегу. Пока следуйте указаниям. Иначе... разговор у нас короткий – отправитесь в ту кучу, – Саттерли равнодушно указал на тела, которые продолжали носить солдаты.

Пассажиры «Линкольна» начали выкладывать вещи из карманов и сумочек под ноги Саттерли. Поскольку Ди была в отключке, обыскать ее пришлось Альваро. Он же выложил и вещи Чепмена, покуда Ди лежала у него на коленях. Вэлери попыталась что-то спрятать у себя в руке, и Саттерли это заметил.

- Что там?

Вэлери сделала вид, будто ничего не слышит. Другой солдат подошел и разжал ее ладонь, а сама Вэлери жалостливо воззрилась на него снизу вверх. Солдат посмотрел на Саттерли и кивнул – едва заметно. Что-то особенное означал этот кивок, потому что двое солдат тут же, рывком, подняли Вэлери с места. Нейтан тут же вскочил:

- Она гражданка США, вы получите хороший выкуп!

- Вы все тут уже ничьи не граждане... всем на вас плевать, – заявил Саттерли и направил автомат на Нейтана.

Вэлери отвели за угол. Тут же раздались два выстрела.

- Вы убили ее? – уточнил Орландо так, будто бы это было не очевидно.

- Меня зовут Нейтан Коллинз и я хочу говорить с вашим руководством, – потребовал Нейтан.

- Переговорите. Все. По очереди, – холодно резюмировал Саттерли.

- Я хочу прямо сейчас! Я требую переговоров!

- Бог ты мой. Сиди, пока не отправился за ней.

Орландо подполз к Альваро и тихонько потеревил его за рукав.

- Надо бежать, – коротко отрезал Орландо.

- Куда тут убежишь? – парировал Альваро.

- Не знаю... спрячемся здесь, дождемся, пока они уйдут с корабля.

- И что мы будем делать?

- Ты хочешь, чтобы нас, как ее?

- Ее убили, потому что у нее ВИЧ. Я видел ее таблетки... Это антиретровирусная терапия, - прояснил Альваро.

- В любом случае нам нечего тут делать.

- Я никуда не пойду.

- Помоги мне.

Альваро посмотрел на Саттерли, потом на пару охранников. Нагнулся к Ди.

- Она едва дышит! Нам нужны лекарства! Хотя бы глюкозу! Немедленно! - Альваро прокричал это, сколько было сил.

- Ты самый умный? - спросил Саттерли.

Альваро привстал навстречу к Саттерли.

- Нет, что вы, я врач...

- Правда плоха?

- Да, она едва жива. Мы голодали.

- Сейчас позову.

Саттерли достал рацию и проговорил: «Фостер, ответьте Саттерли». - «Фостер на связи». - «Полковник, у нас девушка. Молодая. Состояние критическое, так говорит врач, который с ними был». - «Сейчас буду». В это время Орландо тихонько проскользнул вдоль стенки надстройки и скрылся из виду. Уже через минуту показался полковник Фостер - сухощавый белый лет сорока. Он быстро подошел к Ди, только глянув на Саттерли.

- Что нужно? – обратился он к Альваро и Чепмену, еще не понимая, кто из них врач.

- Глюкозу, капельницу, витамины, физраствор... ничего необычного. Надо работать с истощением.

- Все это может быть в корабельной аптечке?

- Должно быть.

- Саттерли! Выясни, собрали ли уже лекарства. На судне должен быть медицинский кабинет, если нет, посмотрите в рубке. Отправь кого-нибудь, пусть тащит все.

* * *

Пока солдат бегал за лекарствами, из-за контейнеров показался черный великан, который был на удивление гладко выбрит. На плечах его было какое-то подобие генеральских погон – с одной большой круглой блямбой. Звали его генерал Зилу Окинола, и когда-то это был самый настоящий генерал конголезской армии. Но обращались к нему просто «Генерал Зилу», так повелось.

- Генерал Зилу, сэра! – Фостер вытянулся в струнку, Саттерли и солдат также приняли равнение на Зилу, но честь никто не отдавал.

- Не паясничать, – коротко отреагировал Зилу, – Саттерли, сколько живых?

- Двенадцать.

- Почему же я вижу десять?

Саттерли оглянулся и пересчитал сидящих у бочки.

- Простите. Десять, генерал.

- Саттерли, тебя надо учить считать.

- Генерал, сначала посчитали мертвого младенца, плюс устранили одну.

- Женщину? Сколько лет?

- Тридцать два, генерал. Запрещенные лекарства.

- Понятно. Ладно, всех на лодку ведите. Кто поведет лодку? - Зилу огляделся, и, увидев солдата в противогазе у борта сухогруза, сам все понял.

После того, как Альваро ввел Ди лекарства и физраствор, та пришла в себя и, даже кожа на ее лице покрылась здоровым румянцем. Впрочем, идти самостоятельно она не могла, и ей помогали Чепмен и Лон.

Под руководством Зилу и Фостера вновь прибывших препроводили к борту судна, под которым расстилался густой туман. По трапу все спустились в плоскодонную лодку, устроенную по принципу водного велосипеда - с гребным колесом и педальным приводом, а охрана - солдаты и Саттерли - остались сверху. В лодке лежали своеобразные сух-пайки из спрессованных водорослей - ровно по числу прибывших. Путешественники принялись жевать и даже не сразу заметили, что сзади к их лодке была привязана вторая, такая же по размеру, которая дрейфовала метрах в двадцати от них. На этой лодке возвышалась какая-то горка, и самые зоркие разглядели сквозь туман отдельно торчащие конечности тел усопших. Сомнений не оставалось: только тела могут сложиться в такую странную пирамиду, но зачем их везли на неизвестный берег - оставалось загадкой. В лодку спустился солдат в противогазе, и лодка тут же - в тишине - отчалила от трапа. Дрейфующая - та, что с горой тел, двинулась за ними.

- Боже, это же мусор, а не вода, - первым обратил внимание Чепмен.

За бортом плавали пластиковые бутылки, пакеты, какие-то лотки из вспененного полистирола, резиновые прокладки, силиконовые кусочки непонятно предназначения и происхождения, и все это вместе создавало единый, густой и труднопроходимый слой. Мусор колыхался вместе с волнами, и нос лодки расталкивал его перед собой, но, как только лодка проходила пару метров, за кормой мусорный слой снова смыкался, словно живой.

Через несколько минут впереди показались очертания земли. Сразу стало ясно, что это нечто необычное – все формы были созданы будто под прямым углом – виднелись какие-то башни, стены, грани, и все было создано по какой-то определенной, неугадываемой, неопознаваемой геометрии.

Плывущие на лодке не чувствовали этого, но их провожал взглядом Орландо, который в это время, найдя в рубке консервы, жадно их поглощал и наблюдал – сквозь разрывы тумана – за лодками – и за вершинами таинственного прямоугольного острова, который он видел лучше, потому что сидел выше тумана.

– Посмотрите, что это? – спросил Лон, указывая на левую оконечность острова.

Она отличалась от всех прочих очертаний – это была какая-то природной формы гора, накрытая какой-то материей. Из разрывов материи выглядывала ослепительно-белая фактура, которая сливалась бы с туманом, если бы вершину не освещало солнце, и она так отчаянно бы не блестела.

– Айсберг? – высказал свое предположение Альваро.

Альваро оказался прав. Осколок ледяной горы торчал сбоку острова, который сам по себе был похож то ли на крепость, то ли на гигантский корабль. Чем ближе подходили к нему лодки, тем необычнее он казался. Постепенно из тумана выплыли строгие силуэты – представлялось, что остров будто состоит из элементов гигантского конструктора, кубиков наподобие Лего, которые были выстроены в ряды, а кое-где даже в небольшие башни. В центре острова виднелась тонкая вышка, металлический шпиль, возвышающийся над остальным рельефом метров на двадцать. Берег приближался, а мусор все не заканчивался и даже становился плотнее – пластик лежал сплошным ковром, иной раз только наличие лодки указывало, что вся эта бескрайняя помойка покоится на поверхности воды. Когда до острова осталось метров сто, те самые кубики стали различимы сквозь туман настолько, что Альваро охнул от удивления, пробормотал какое-то грязное мексиканское проклятие и по-английски уже прибавил: «Из огня да в полымя». Этот конструктор представлял собой не что иное, как морские контейнеры, точно такие же, как и тот, в котором герои провели десять дней. Весь остров был застроен причудливыми конструкциями, состоявшими исключительно из контейнеров всех возможных цветов. В контейнерах были прорублены окна, кое-где открытые, но в большинстве своем

закрытых пластиковыми ставнями явно кустарного производства. Возле контейнеров тут и там стояли какие-то бочки, от каждой из которых к контейнеру тянулась пластиковая труба.

Между рядов контейнеров видны были подобия улиц – узкие, не шире пары метров каждая, но при такой тесноте застройки у самого берега места было достаточно. Полоса метров в сто была заполнена лишь редкими контейнерами, а в основном кучами мусора и каких-то обломков, будто берег вырос уже после того, как город закрепился в своих границах. Как позднее узнают новички, ровно так дело и обстояло.

Лодка с покойниками отделилась и ушла куда-то в сторону, постепенно растворяясь в тумане. А лодка с путниками уткнулась в берег. Ее встречали двое вооруженных людей в респираторах, а также двое, видимо, гражданских – в удивительного, смешанного, черно-бело-бежевого цвета густых шерстяных свитерах, и почему-то без защитных масок.

Гражданских звали Франклин и Грателли, и они стояли от берега чуть поодаль, метрах в семи, между тем как вояки помогали новоприбывшим выгрузиться. Обоим – и Франклину и Грателли – на вид было 40–45 лет. Грателли – высокий, смуглый, черноволосый итальянец. Франклин – кряжистый, немецкого происхождения американец, держал в своих руках стопку потрепанных книг, похожих на бухгалтерские гроссбухи. Грателли, дождавшись, пока все сойдут на берег, спокойно глядя на то, как Чепмен и Лон вытаскивают из лодки Ди, а Альваро держит ее капельницу, начал свою речь с вопроса:

– Здравствуйте. Знаете ли вы, где находитесь?

– Мы как раз собирались задать тот же вопрос, – тут же смело заявил Нейтан, выступив вперед.

– Что ж... значит, мир до сих пор не знает о нас. Это церемониальный, так скажем, вопрос, который мы задаем всем новичкам. Добро пожаловать на Землю Немо, – уныло растянул Грателли, а затем деловито добавил: – Начнем с женщин. Сначала больную.

Солдаты придвинулись к Ди.

- Куда вы ее? – спросил Чепмен.

- На медосмотр. Вы вместе? – оглядывая Чепмена, спросил Грателли.

- В каком смысле?

- Вы ее муж?

- Нет...

- Хорошо. Вы и вы, – обратившись к Эмме и Даните, Грателли махнул в сторону солдат, – следуйте за ними. Вас также осмотрят.

- Я замужем... это вам важно? – обозначила Эмма.

- И Данита останется со мной! – встрял Пун.

- Так. Обе замужем? Понятно. Тем не менее – пройдите на осмотр.

- Вы не сказали, где мы! Что это за место? – настоял Нейтан.

- Пожалуйста, следуйте указаниям. Или – идите на все четыре стороны. Если, конечно, вам такой вариант подходит. Выживайте как хотите. Те же, кто хочет, чтобы им помогли, слушайте меня, это в ваших интересах. Ну?

Солдаты, поднявшие Ди на руки, терпеливо ждали завершения диалога. Эмма и Данита робко двинулись в их сторону, и солдаты начали движение. Грателли натянул респиратор.

- Мужчины, все могут идти? Пройдемте за мной.

Женщин отвели в спаренный контейнер с большими окнами. Мужчины проследовали в такой же спаренный контейнер, находящийся неподалеку от первого. По дороге Лон и Альваро перекинулись парой слов о том, что они видят под ногами. «Землей» землю Немо назвать было нельзя. Поверхность состояла не из почвы, породы или вообще чего-то такого, что можно было встретить на

«большой» земле. Скорее, это был пол, изготовленный из сплавленного пластика, плотного и цельного. Из-за технологии, по которой делался этот «пол», он имел странный серо-буро-малиновый цвет. Каждые несколько метров виднелся шов, подобный тем спайкам, которые можно увидеть на мостах. Эти швы обеспечивали минимальную подвижность огромной плиты, на которой на самом деле держался весь остров.

В контейнерах новичков Земли Немо ждал накрытый стол: водоросли, немного рыбы, вода – вот и все угощение. Когда они поели, каждого осмотрел доктор по имени Дитмар – немец, который как бы олицетворял вообще все стереотипы о своих соотечественниках: четкий, точный, равнодушный, высокий блондин. Альваро, как врач, успел оценить его больше прочих – и на взгляд Альваро, который к тому же сам по себе был «сложным» пациентом с травмой руки, Дитмар был крепким врачом общей практики. Так оно и было – Дитмар, человек родом из Фрайбурга, из того самого, что в Черных Лесах, и правда был врачом довольно высокого, пусть и провинциального уровня. Главное, что понял Альваро об осмотре – у всех них пытались найти следы каких бы то ни было инфекций, и Дитмар делал упор именно на это – его интересовали жар, сопли, дыхание и проявления SARS-27|3, которые, как известно, характерны еще и высыпаниями на коже или красными пятнами. К счастью путешественников, ни у кого из них следов последней пандемии ни на коже, ни в легких не было.

Тех, кто прошел осмотр, сразу же отправляли дальше – на самое странное на свете интервью. Франклин, которого путешественники уже видели, на сей раз задавал всем вопросы, которые касались всего на свете – от геополитических изменений до экономики, от спорта до науки. Отчасти Франклин собирал информацию о последних событиях в мире, отчасти искал подтверждения уже известных ему новостей. Приведу набор фактов, которые сообщил ему Чепмен, который, кстати говоря, обладал незаурядной памятью и смог почти дословно произвести диалог. Сам же диалог опустим – он здесь не совсем нужен и даже скорее неуместен. Вот факты: президентом США снова стал Трамп, на этот раз Трамп-младший, который разбил на выборах Камалу Харрис, первую женщину на этом посту, которая выдвигалась на второй срок. Но рейтинг и влияние демократов критически упали после всеобщего отрезвления и разочарования BLM и ЛГБТ-повесткой.

Китай на пике экономической стагнации, вызванной демографической ямой, для поднятия популярности КПК, наконец, стер с лица земли пару тайваньских городов и присоединил Тайвань целиком. За что поплатился и Шанхаем – его

уничтожил впечатляющий воздушный флот противника, и последними остатками экономики – на войну ушло куда больше средств, чем рассчитывало материковое правительство, а новая волна санкций фактически закрыла Китаю доступ на западные рынки. Гонконг на этом фоне попытался отделиться, но восстание, которое назвали «бунтом программистов», быстро сошло на нет: основные удары бунтарей наносились из офисов, откуда они рушили китайское ПО, в том числе и военное, но солдат со штыком по-прежнему сильнее программиста с компьютером. Индия наконец завершила программу «2000 дней перехода» и стала не просто конкурентом Китаю, а вообще главным партнером для США и ЕС.

Европейцы в целом живут, как жили и десять, и двадцать лет назад, только теперь ЕС все больше становится достоянием истории. Вслед за Британией, оттуда вышли Франция и Испания, так что теперь ЕС – это фактически альтернативное название Германии, которая тащит на своем горбу весь остальной вырождающийся Евросоюз и население которой уже превысило разумные пределы. Правда, немцев среди этих 200 миллионов человек уже меньшинство.

Азия в огне – но это давно не является новостью даже для Франклина. С десятков среднеазиатских и кавказских государств сначала объединились под руководством Ирана, потом началась война с Пакистаном, и теперь вообще черт его знает, что там творится. Американцы готовят сухопутную операцию – им уже надоело бомбить непонятно кого.

Израиль все никак не уgomонится. После окончания «нефтяной эпохи», когда именно Израиль умудрился добывать водород быстрее и эффективнее всех на свете и поставил арабский мир в состояние лихорадочной зависимости, они все никак не прекратят воевать с жалкими остатками вооруженных уже практически каменными топорами палестинцев. Весь мир на это давно плюнул, и мусульманские правительства и организации – одно за другим, уже плевали на независимость и прочно стоят на позициях светского общества и прекращения блокады любой ценой. Еще бы – средний житель Израиля зарабатывает в 12–14 раз больше любого араба.

Россия (говорим Россия, думаем – Иванов) – этот вечный источник проблем для всех на свете, продолжает пугать мир ядерной дубинкой и опять изобрела какое-то сумасшедшее оружие, которое устанавливается на гигантские корабли в Арктике. Они делают это якобы для охраны Северного пути – главного

Американо-Европейского транзита (со времен, когда Израиль уничтожил Суэцкий канал), но на деле – чтобы им не мешали вести свою странную политику по превращению бывшей империи в империю нынешнюю. Это не мешает им продать целый регион Китаю – зачем им эта Чукотка, если там ничего не было, кроме выхода к морю, которое так пригodiлось Поднебесной. Зато вот забрали обратно Северный Казахстан и Грузию. У русских свои мысли и своя политика, которой не понимает уже никто. Говорят – на очереди Прибалтика.

Латинская Америка изменилась мало – разве что Аргентина опять вошла в G-7 и стала «страной заводов». Правда, за счет индонезийцев, которые почему-то массово начали туда выезжать...

Что касается спорта – все ровно. Олимпиады теперь раз в шесть лет из-за вирусов. Сколько бы корейцы ни отрицали, весь мир убежден, что всё, со времен SARS – дело их рук. Хотели потравить своих северных соседей – удалось, но зачем же заразу сеять на весь мир? Потравить все равно не удалось – пришлось объединиться и создать теорию «новой нации», с ядерным оружием и чертовски подвижной и ловкой экономикой.

Фильмы, книги, трaнк-музыка, дикая популярность «антикино» – то есть нигерийского новодела, куда стали звать старых европейских звезд... – все было в сфере интересов Франклина.

Также Франклина интересовали профессии вновь прибывших, и тут его реакция была интересной. Когда Альваро произнес «хирург», Франклин напрягся и записал его в пустую графу. «Студент, криминалист» Чепмена не вызвало интереса. «Журналист» Нейтана удостоилось лишь сочувственной ухмылки, как и «корпоративный юрист» Джеральда, и «портье» Пуна (который, впрочем, реабилитировал себя тем, что служил в армии и умеет обращаться с оружием) и «футболист, в смысле раньше играл, сейчас я как бы дауншифтер» Лона.

Если бы тренер по серфингу Орландо оказался в этот момент там, в спаренном контейнере, наверное, Франклин также бы ухмыльнулся. Но Орландо доедал пятую банку консервов в рубке и рассчитывал завести двигатель, чтобы заработали аккумуляторы, и он смог передать сообщение. Орландо видел, как лодки с военными, рабочими и снятым с корабля оборудованием отправлялись к острову. Он ждал ночи, когда на судне не останется ни одной души, способной ему помешать, а тем временем сухогруз медленно и неизбежно дрейфовал к странному острову, который уже лежал перед ним как на ладони – ведь туман

рассеялся.

Во время допроса только Нейтан попытался поспорить со своим новым статусом «пустое место».

- Теперь спрошу я. Кто здесь главный?

- «Судья». Наверное, «Президент» было бы точнее, но в нашем случае он действительно судья с соответствующими обязанностями и полномочиями.

- Я хочу с ним поговорить.

- Даже если он и согласится вас принять, поверьте, это лишь ухудшит ваше положение, - тактично, но жестко урезонил Нейтана Франклин.

- Скажите, а часто к вам заезжают лауреаты Пулитцеровской премии? - аргументировал Нейтан.

- Вы знаете, - продолжил Нейтан, увидев, что Франклин призадумался, - я пока не разобрался, что за чертовщина здесь творится и где мы вообще находимся. Из всех известных мне бандитов, пиратов, партизан и так далее... я ни о чем подобном - не скрою - не слышал. Остров, одежда эта, мусор повсюду. Но мир многообразен, могу чего-то не знать, а если уж мне хочется, я докопаюсь до истины, поверьте. Поэтому - честное слово - лучше просто проводите меня к этому судье, расскажите обо мне, спросите обо мне моих попутчиков, раз вы тут как информационная лакуна на теле человечества... Вам все расскажут, и вы поймете, что я могу быть вам очень полезен.

- Нам полезны те, кто хорошо сортирует мусор и справляется с выращиванием водорослей, Нейтан, - грустно, совершенно без иронии или сарказма проговорил Франклин.

Тем временем женщины, которых отвели в соседний контейнер, столпились вокруг Ди. Солдаты унесли Ди в соседнюю комнату, и та начала приходить в себя.

Подошел Дитмар. Женщины не знали, но осматривали их куда дотошнее мужчин. В список вопросов входили и такие бестактные темы, как последний половой контакт, количество партнеров, перенесенные инфекции (тут взгляд Грателли был неизменно строг и пытлив). Семейное положение тоже изучалось чуть ли не под лупой. Когда Данита объяснила, что переживающий за нее Пун – на самом деле не супруг, а брат, на лицах Дитмара и Грателли словно замигала надпись: «Это все меняет». А вот общих вопросов было гораздо меньше. Хотя можно было бы списать качество опроса на то, что у женщин его проводил не эмоциональный Франклин, а сухой Грателли – в котором прирожденный чиновник давно подавил зачатки веселой южноевропейской ментальности. При этом его бесстрастный допрос был лишен ноток высокомерия, которое почувствовали на себе мужчины. С женщинами в целом обходились гораздо почтительнее, а над Ди и вовсе тряслись так, будто она какая-то кинозвезда.

Кормили женщин тоже гораздо лучше, чем мужчин – кроме рыбы и водорослей, им полагался хлеб (и они не знали, что на острове хлеб – это даже не роскошь, это царское угощение), конфеты, настоящий растворимый кофе и даже консервированные сливки. Все это, конечно, невероятный для острова стол, настоящее пиршество, оценить которое сполна голодные девушки не могли. Но уплетали все равно с удовольствием, просто пытаюсь насытиться. Конечно, Дитмар дал рекомендации по насыщению отвыкшего от пищи желудка, но им следовало не особенно рьяно.

Когда обед, осмотр и опрос подошли к концу, Грателли выдал Даните и Ди два наряда – навроде паранджи.

– Зачем это мне? – с трудом пробормотала Ди.

– Вы не замужем. Это значит, никто пока не должен вас видеть.

– Почему?

– Потому что нельзя допускать до вас соблазн, – серьезно уверил Грателли.

– У вас тут ислам?

– Нет, – улыбнулся Грателли, показав недостаток зубов, – у нас тут вообще нет религии. Просто так надо, потом поймете. Вам ничто не угрожает, вас накормят

и оденут, так что не нервничайте понапрасну.

- Мистер, а вы почему на нас смотрите, раз это нельзя? - запинаясь, спросила Данита.

- Потому что я женат и не скучаю по женщинам.

Эмма, которой было совершенно плевать на происходящее, стояла и смотрела в окно контейнера. Четверо солдат, пришедших в контейнер, ждали распоряжения.

- Ее к мужу, - сказал Грателли, - а этих - в комнаты.

Эмма спокойно вышла за солдатами.

Глава 5

Остров Немо

Как только Эмма вошла в «мужской» контейнер, к ней бросился Пун.

- Где Данита?

- Ее и Ди отвели куда-то... их одели в странную одежду, как для мусульманок...

Пун развернулся к Франклину.

- Где Данита?

Чепмен, обеспокоенный судьбой Даниты, тоже сделал шаг в сторону Франклина, но солдаты перекрыли ему путь. Франклин помедлил, будто соображая, что же ответить.

– Сейчас будет распределение, – молвил он так, будто это разом все проясняло, и взгляделся в окно, за которым как раз мелькнула чья-то фигура, – предваряя дальнейшие вопросы скажу, что сегодня вы в первый и последний раз ели бесплатно. Дальше вам предстоит обеспечивать себя самим. За кусок пищи у нас принято работать. И глядя на список ваших специальностей, сразу скажу, что работа понравится не всем.

– Мы едва передвигаемся, – возразил Альваро, – все истощены, и нам нужна хоть какая-то реабилитация, хотя бы отлежаться.

– На остров все попадают не в лучших кондициях, однако правила есть правила, – парировал Франклин.

Франклин махнул рукой, один из солдат открыл дверь, и тут же в нее – не вошел даже, а как-то шмыгнул, японец лет пятидесяти.

– Нобору! Как всегда – ремесленники первые. Что ж – забирайте вот этого, Чепмена. Чепмен, прошу вас, идите с Нобору, вам, можно сказать, повезло попасть в клан ремесленников.

– КЛАН? – изумился Чепмен.

– Пойдем, я все расскажу по пути, – дружелюбно попросил Нобору, – но тебе правда повезло, мы мало кого отбираем.

Нобору и Чепмен удалились, пропустив входящего в контейнер уже всем знакомого здоровяка Зилу. Он оглядел всех.

– Кто в армии служил?

– Этот, – Франклин указал на Пуна.

– Угу. Тогда он и еще вот этого, – уже указав на Лона, добавил Зилу. Затем развернулся и вышел наружу.

– Догоняйте, быстро, – протараторил Франклин, – и вопросов лучше не задавайте. Никаких.

Пун и Лон покорно вышли. Альваро посмотрел в окно – и увидел, как они следуют за Зилу. Тут же в контейнер заглянул красномордый, широкоплечий, в таком же странном свитере, как у Грателли и Франклина, мужчина средних лет.

– Эй, Франклин, – прохрипел он, – меня опять последним зовут, что ли? Ну? Это куда годится? Самых задохликов оставил?

– Крюгер, успокойтесь, распределение только началось.

– Кого мне? Мне еще проволоки надо метров тридцать, солярки двести литров, одежды... я все заказывал уже с месяц. Вояки свои склады заперли, так что давай с корабля, что вы там набрали?

– Спокойно, Крюгер...

– Спокойно? Да вы все охренели со своим Зилу. Нет доступа к кораблям, судья решил – ладно. Окей. Безопасность. Делитесь! Что за игры? И еще людей самых тощих мне.

– Крюгер, забирай этого, – Франклин уверенным жестом указал на сжимающего в руках плюшевого мишку Джеральда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhivovy_georgiy-i-gennadiy/tochka-nemo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)